

НИКОЛАЙ ВЕРЗАКОВ, ВЛАДИМИР ЧЕРНОЗЕМЦЕВ

У ТАГАНАЙ-ГОРЫ

ИСТОРИЯ В ИСТОРИЯХ И КАРТИНКАХ

КОГДА КОНЧИЛАСЬ ВОЙНА, СОЛДАТЫ ПО ДОМАМ ПОЕХАЛИ. А ИВАНУ МЕШКОВУ НЕКУДА — ДОМ СОЖЖЕН, ОТЦА-МАТЕРИ НЕТ, ОДИН ОСТАЛСЯ НА БЕЛОМ СВЕТЕ. ВАГОНЫ — БИТКОМ. ЗАБРАЛСЯ НА КРЫШУ И ПОКАТИЛ, КУДА ГЛАЗА ГЛЯДЯТ. ПРОСНУЛСЯ ОДНАЖДЫ: БА! НЕБО ЛАЗОРЕВО, ГОРЫ МАЛАХИТОВЫ, СЛЕВА — СКАЛЫ, ГЛЯНЕШЬ ВВЕРХ — ГОЛОВА КРУЖИТСЯ, СПРАВА ВНИЗУ — РЕЧКА, БЕРЕГА БЕЛЫМ-БЕЛЫ. КРАСОТА!

СОСКОЧИЛ НА ОСТАНОВКЕ ЗА КИПЯТКОМ.
— ЧТО ЗА ГОРОД, ЧЕМ ХОРОШ?

— ГОРОД ЭТОТ ЗЛАТОУСТ БУДЕТ. А ЧЕМ ХОРОШ, СКАЗАТЬ НЕЛЬЗЯ СРАЗУ, ПОЖИТЬ НАДО...

ОСТАЛСЯ ИВАН МЕШКОВ, НА ЗАВОД ПОСТУПИЛ, СЕМЬЮ ЗАВЕЛ. ЖИЛ-ЖИЛ ДА И СОСТАРИЛСЯ. А ЧЕМ МЕСТО ПОГЛЯНУЛОСЬ ЕМУ, ПОСЛУШАЙТЕ.

Верзаков Н. В., Черноземцев В. А.
В 31 У Таганай-горы: История в историях и картинках. — Челябинск:
Юж.-Урал. кн. изд-во, 1990. — 40 с.
ISBN 5—7688—0325—4

На Южном Урале, на самой границе Европы и Азии, там, где смыкаются Таганайский и Уреньгинский хребты, расположен старинный уральский город Златоуст. Богата его история, были в ней и героические сражения, и удивительные открытия. Множество талантливых людей оставили о себе благодарную память в народе, обо всем этом и еще о том, как живут сегодня златоустовцы, как хранят память о прошлом рассказывают авторы книжки.

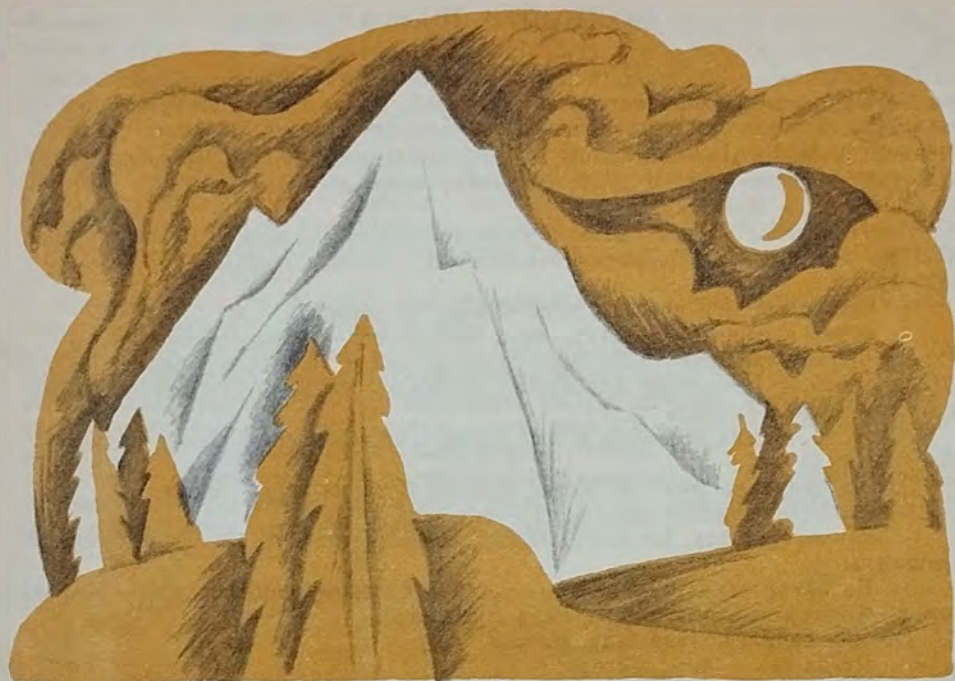
Рассчитана для детей среднего школьного возраста.

1805080000—053
В М162(03)—90 36—90

ISBN 5—7688—0325—4

ББК 84Р7—4

© Н. В. Верзаков, В. А. Черноземцев, 1990.
© А. М. Сидоров, оформление, 1990.

ЛЕГЕНДА О ТАГАНАЕ

Давным-давно на берегу быстрой и светлой реки жило вольное племя. По вечерам в долине загорались костры, а когда всходила луна, долину заполняли тягучие звуки — то Нажибек играл на курае для красавицы Айгуль.

Но каждый раз Нажибек не успевал закончить свою песнь прежде, чем луна уходила за горизонт. И вот однажды он крикнул с досады:

— Остановись!..

Вздрогнула земля — и выросла большая гора. Луна зацепилась за вершину и остановилась.

Долго на этот раз играл курайчи. Так долго, что красавица Айгуль превратилась в старуху. Заметив это, Нажибек с горя сломал свой курай. И опять вздрогнула земля. Луна сорвалась с вершины и пропала за горизонтом.

А Таган-Ай, Подставка Луны то есть, напоминает влюбленным о том, что песня не должна быть слишком долгой.

БОЛЬШОЙ ПОЖАР

Говорят, что на том месте, где когда-то играл курайчи Нажибек, богатые люди Мосоловы построили Златоустовский завод. Когда старик Перфилий умер, сыновья его стали наследство делить. А было их четверо: Максим, Алексей, Иван Большой да Иван Меньшой. И перессорились. Пять лет грызлись. Во время суда их держали по разным комнатам, чтобы не вцепились друг в друга. Завод достался Максиму.

Рабочие были крепостными. Вставали затемно и ложились при лучине. Сильно бедствовали. Невмоготу становилось — шли в контору к приказчику Ахматову:

— Батюшка, край пришел, хоть ложись да помирай.

— Зачем помирать? Работать надо. Вот деньги — ставь крестики.

А в бумаге написано: «За оные деньги, нимало не медля работать нам в рубке куренных дров, руду долбить в руднике и всякую другую заводскую работу, где будет сказано».

Мужики ставили крестики и шли в «тягчайшие» работы. Заводчик хвалил Федота Ахматова.

Совсем захудали мужики. Когда пришел Пугачев, они — к нему.

— Что загорюнились, детушки? — спросил.

— Как не горевать, Емельян Иваныч, жизни нет, все до одного на бумажки записаны.

— На какие такие бумажки? — сдвинул брови мужицкий царь. — Кто посмел? Федот Ахматов? Подать сюда Ахматова!

Но приказчик, почуяв беду, сбежал.

— Когда так — жги контору!

И сгорела она вместе с бумажками. Нет бумажек — нет долгу.

— Ну, счастливо оставаться, братцы!

— Батюшка, с собой возьми.

— Что ж, у меня не тесно.

И ушло за Пугачевым все население.

А Федот Ахматов, вернувшись после того, писал оренбургскому губернатору Рейнсдорпу: завод сожжен, долговые расписки сгорели, люди ушли. Да что толку? Жалуйся после времени.

И МЕЧИ ХАРАЛУЖНЫЕ

Мир всегда был полон тайн. Одна из них — тайна булата — долго занимала умы, вводила их в прошлое, в Древнюю Индию, Персию, Сирию, Бухару, в те места, где делали и продавали удивительную сталь, но секрет ее производства оставался за семью печатями.

На Руси булат назывался харалугом. В «Слове о полку Игореве», великом памятнике русской словесности, упоминаются мечи харалужные, которыми бились русичи с половцами.

Мастера старались хранить искусство свое в тайне, порою не успевали передать его ученикам — и ниточка обрывалась. Так уж случилось, что века полтора булат варить нигде не умели.

Горный инженер, директор оружейной фабрики в Златоусте Павел Петрович Аносов решился на то, в успех чего уже никто в Европе не верил, — сварить булат. И сварил. Правда, на опыты ушло около десяти лет. Но это совсем

немного, если учесть, что никому еще из ученых-металлургов не удавалось достичь такого за всю жизнь. К удаче привели его талант и настойчивость. Каждой плавке он присваивал номера, каждую описывал, сопоставлял, делал выводы. В расплавленное железо добавлял то золото, то листья клена, то лепестки цветов, то ржаную муку, то сажу, то алмаз. Добиваясь булатного узора, рассматривал кусочки стали под микроскопом. И удача пришла. В 1828 году немецкий ученый Гумбольдт, путешествуя по России, заезжает в Златоуст, и там ему вручают невиданный подарок — меч из булатной стали.

Время шло, и люди снова забыли секрет. И снова загадкой звучали слова из сказки про сестрицу Аленушку и братца Иванушку: «Костры горят горючие, ножи точат булатные...»

И снова люди стали биться над разгадкой. И снова успех пришел в Златоусте. Где-то лет тридцать тому назад.

Нам очень захотелось взглянуть на него. Заместитель главного металлурга завода имени В. И. Ленина Нина Павловна Яковленкова достала из стола необработанный брусок. Подала. Осторожно, как к святыне, прикасаемся, держим в руках, боясь уронить, разглядываем, пока Нина Павловна рассказывает, как получают булат при современной технике. Скорее всего, она поняла наше состояние и решила показать — нечему тут удивляться, нет в этом бруске ничего необычного, взяла его и, словно в руке у нее обыкновенный молоток, прибила к двери объявление об очередном собрании...

РИСУНОК НА СТАЛИ

Старый писатель долго всматривался в рисунок на клинке. Улыбался, мямл в горсти бороду. Плохо спал потом. И сочинил сказ про человека с крылатой душой. И назвал его «Иванко-Крылатко». Пустился парнишечко заводской в состязание с мудрым немецким мастером — чей клинок будет краше? — и нарисовал диковину — летящего крылатого коня...

Было это в первой половине прошлого века. На заводе из чугуна железо в крицах вываривали, мяли под молотом и пускали на разные хозяйственные поделки. Варили и сталь. И делали из нее ножи охотничьи, сабли гусарские, палаши кирасирские, тесаки гвардейские — десятки тысяч. Так понравились они в армии, что правительство решило — впредь изготавливать белое, то есть холодное, оружие только в Златоусте.

С особенным старанием готовили жалованное, или парадное, оружие. У того не на остроту лезвия прежде всего обращалось внимание. Нарядны ли эфес, гарда, ножны — вот что считалось главным. Клинки для подарков важным гостям, особенно после войны 1812 года, украшали рисунками. Обычно это были венки из листьев дуба и лавра, сценки сражений, прославивших русское оружие.

Много удивительных мастеров было тогда: резчиков по кости, позолотчиков, клинковых кузнецов, полировщиков и, конечно же, гравиров-художников. Самым талантливым из художников оказался Иван Николаевич Бушуев — это его рисунком залюбовался мудрый сказитель Бажов: в мерцающем голубыми искрами небе летят навстречу друг другу крылатые кони.

В главных музеях страны — Эрмитаже, Историческом, Артиллерийском — можно увидеть клинки с меткой: «Златоуст».

Память о старых мастерах в Златоусте берегут. Если вы сойдете здесь с поезда, на привокзальной площади прежде всего увидите памятник Ивану Бушуеву — он будто приглашает вас в город мастеров.

Искусство украшения металла жило, претерпевая спады и подъемы. Художники наносили рисунки на металлические шкатулки, карандашницы, вилки, тарелочки... А в последнее время они стали рисовать прямо на пластинах, так же, как прочие художники рисуют на холсте и бумаге. Больше всего они любят изображать лес, горы, реки, деревья, цветы, зверей и птиц — все, что сами очень любят в своей природе.

Стальной сувенир из города Златоуста можно увидеть в самых неожиданных местах. В Звездном городке, например, где космонавты готовятся в дальние полеты. Есть один из них даже на Луне.

ЧТОБ ОТ МЕЧА НЕ ПОГИБНУТЬ

Более тысячи лет тому назад киевский князь Олег в знак победы над греками повесил на воротах Царьграда щит.

Александр Невский так повел битву на Чудском озере, что вынудил немецких рыцарей, с головы до ног закованных в железные доспехи, оказаться на льду, который и стал ломаться под их тяжестью. Легко, но надежно вооруженные русские воины оказались в выигрыше.

А былинные богатыри Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович? Их тоже трудно представить без щитов, шлемов и панцирей.

Рыцарское вооружение: шлем, латы, кольчуги, наколенники, меч, копье —

просуществовало очень долго. Каски и сейчас не в диковинку. Еще в прошлом веке златоустовские мастера делали для защиты воинов кирасы, доспехи для всадников. В гвардейской кавалерии кирасы числились вплоть до 1917 года, но надевали их только во время парадов. Для красоты, значит. Ради нее же в XIX веке решились в Златоусте на изготовление полного рыцарского облачения.

Есть в городском музее железный костюм. Его никто никогда не носил: не для того он задуман. Им просто любуются.

Шлем с забралом, украшенный по бокам золотыми летящими конями, двуглавым орлом спереди и сфинксом, то есть львом с человеческой головой, — сверху. На плечах — золотые маски львов, на груди — медуза. Латы украшены затейливым орнаментом. Панцирь, наручники, наколенники поражают великолепием узоров. Говорят, доспехи состоят из трех тысяч деталей и каждая — верш совершенства.

Делали это произведение 32 мастера целых четыре года. Нашлась работа граверам, кузнецам, полировщикам, чеканщикам. Главным среди них был Иван Бушуев — недаром же на доспехах изображены крылатые кони.

Окончив эту работу, Бушуев вскоре умер, совсем еще молодым. Возможно, труд истощил его силы. Но память о нем прожила уже полтора века. Солнечный зайчик, играющий на «рыцарских доспехах», надолго задерживает взгляд ошеломленного посетителя музея в наше время.

ВРАЧ-ПУТЕШЕСТВЕННИК

В один из летних дней 1820 года по бухарскому базару бродил человек, мало чем отличающийся от окружающих людей. Он слонялся среди торговцев изюмом, рисом, яблоками, пробовал урюк, яростно торговался, продирался сквозь ковровый ряд, брел дальше, пробуя на ощупь каракуль, пестрые индийские ткани, приценивался к жемчугу и золоту.

Вдруг миршаб, наблюдавший за соблюдением намаза, то есть обязательного пятикратного дневного моления, закричал, пытаясь схватить человека за полу халата:

— Гяур! Гяур!

На шумном базаре мало кто обратил внимание на крик ревностного служителя аллаха, и человеку удалось скрыться. Больше он не решился испытывать судьбу и с попутным караваном ушел из Бухары.

Этим гяуром, то есть не исповедующим ислам человеком, был молодой зоолог и путешественник Эдуард Эверсман. Переодевшись в азиатскую одежду, он намеревался побывать в Средней Азии, Индии, Тибете. Не все задуманное он осуществил. Не все увидел, например в Бухаре, из того, что хотел увидеть. И то хорошо, что выбрался из нее живым: во всех европейцах бухарцы видели лазутчиков и жестоко расправлялись с ними. Но старания путешественника не пропали даром. В Оренбургской губернии он нашел каменный уголь, что было очень важно для безлесного края, и, вернувшись, написал о путешествии книгу.

Мы же здесь вспомнили об Эдуарде Александровиче Эверсмане неспроста: в путешествие он отправился из Златоуста, где работал главным врачом на оружейной фабрике.

О ЧЕМ ПОМНИТЬ

Жил-был мальчик. Выучился он, поехал к бабушке в деревню — отдыхать. Увидел в избушке икону и сказал:

— Бабушка, бога нет, теперь это всякому ясно. Зачем у тебя икона?

— Вы уж живите по-своему, а мне скоро помирать, доживу, как прежде.

«Какая темная!» — удивился внук и, когда бабушка ушла в поле, снял икону, вынес во двор и расколол топором в щепки.

Вернулась бабушка, собрала щепки, помрачнела.

А внук так и не понял ее обиды.

Может быть, и не стоило рассказывать эту историю, если бы за ней не виделось нам множество подобных ей, иногда более печальных.

Построили в 1840 году в Златоусте собор, Свято-Троицкий, чуть ли не первый по всему Уралу. Проект составил знаменитый у нас архитектор Федор Телешников. Поставили собор Токаревы, отец с сыном. Украшали его искусные мастера. И вышел он на загляденье: маковки золоченые, иконы венецианского письма, колокола голосистые: они и зачинали по праздникам перезвон всех златоустовских церквей.

Долго стоял храм, украшая город. Но пришло время, когда решили: если сломать храмы, то люди перестанут надеяться на райскую жизнь и все силы отдадут работе. Снесли почти все церкви. Собор взорвали. На его месте построили танцплощадку. Пляшут здесь молодые, и никто уже не вспоминает о мастерах. На пустом месте думать не о чем.

ДЕДУШКА ЛЕНИНА

Есть на Златоустовской улице, недалеко от центральной площади, старое кирпичное здание. Сто пятьдесят лет назад оно было одним из лучших домов в городе. И жил в нем одно время, почти два года, Александр Дмитриевич Бланк. У него была большая семья. Жена, Анна Ивановна, умерла в 1838 году, дети остались на попечении тетки; воспитывались в строгих правилах и рано приучились к труду.

Александр Дмитриевич часто бывал в разъездах — инспектировал госпитали горнозаводской зоны. Лечил больных, делал прививки от черной оспы — страшной тогда болезни. Народ был темный, люди прививок боялись, верили в колдунов и ведьм — приходилось доктору объяснять, уговаривать. Доктор Бланк добился введения должности врача в гимназиях, выявлял больных, ходил по рабочим поселкам, что было в диковинку по тому времени, завел журналы регистрации больных.

Докторов на Урале тогда было мало, и, казалось, начальству ухватиться бы за такую возможность помочь населению. Но чиновникам не понравился беспокойный человек. Должность его сократили. Александр Дмитриевич вышел в отставку и в 1848 году уехал в свое имение, что находилось в небольшом селе Кокушкино, близ Казани.

В память о том, что в городе училась Мария Александровна, дочь Александра Дмитриевича Бланка и мать Владимира Ильича Ленина, возле школы № 3 ей поставлен памятник.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

В одно время с Бланком работал на заводе директором Оружейной фабрики и помощником горного начальника Аносова Егор Петрович Ковалевский.

В Златоуст он приехал в 1846 году — уже знаменитостью. С какими только людьми он не встречался, в каких только переделках не перебивал этот горный инженер, писатель, дипломат и путешественник. Свои хождения в Афганистан, Бухару, Хиву, Китай он описал в «Странствователе по суше и морям» — книга прославилась и без того уже славное его имя.

А впервые Россия узнала о нем почти десятью годами раньше, когда ему и до тридцати-то лет было далеко.

Маленькая страна Черногория, с населением почти в половину меньшим, чем Златоуст сейчас (согласно переписи в Златоусте более 200 тысяч человек), лежала в труднодоступных горах Балканского полуострова. Две могущественные империи — Турция и Австрия — не хотели мириться с независимостью мужественного и бесстрашного народа и при всяком случае стремились ущемить ее. Владыка Черногории понимал, что без современного оружия против таких врагов не устоять, а его можно было купить только на золото. И вот Негош обращается за помощью в Россию — для изысканий требовался опытный горный инженер. В Черногорию направили Ковалевского — он уже успел показать себя как золотоискатель на Алтае, в Сибири и на Урале.

Однажды австрийцы нарушили границу — черногорцы дали отпор. Тогда Австрия двинула против них целое войско. Ковалевский посчитал, что это несправедливо, когда большой нападает на маленького, и встал на сторону горцев, хотя Россия была в то время одним из ближайших союзников Австрии. Воодушевленные поддержкой русского капитана, обратили австрийцев в бегство.

Узнав о происшедшем, Николай I запретил Ковалевскому появляться в России, австрийский канцлер Меттерних потребовал его казни. Но черногорцы надежно укрыли своего заступника. Ковалевский пробыл у них почти год, пока обстоятельства не сложились благоприятно и ему не разрешили вернуться домой.

В Златоусте Егор Петрович стал поддерживать Аносова во всех его делах, а когда горного начальника вызывали в Петербург, заменял его во всем.

Вот что произошло однажды в отсутствие Аносова.

Явился к Егору Петровичу один из немецких мастеров, которых тогда было много на оружейной фабрике, и заявил, что знает секрет — как варить дешевый булат и готов поделиться им, этим секретом, — за сто рублей.

Подумал Ковалевский и решил: пусть варят свои булаты два мастера — русский и немец. Выйдет у Адольфа Лорха лучше и дешевле — дать ему награду.

Из русских мастеров дело поручили Ребинину.

Прошло какое-то время, тот и другой сварили свой булат — каждый по своему рецепту. Приготовили из слитков сабли. И что же вышло? Никакого секрета Лорх не знал, дамассевой стали, то есть булата, не сварил, Ребинину проиграл по всем статьям. Признала его поражение комиссия, состоявшая как из русских, так и иностранных браковщиков.

О справедливости и бескорыстии Ковалевского, о его готовности защитить бедного, обиженного и угнетенного говорили тогда с восхищением. И не удивительно. Он помогал писателям, когда цензура придиралась к их произведениям, революционерам, когда над ними нависала угроза ареста, нищим студентам.

Из Златоуста Ковалевский отправился в очередное путешествие — теперь уже египетское правительство обратилось к России за помощью в поисках зо-

лота. Он дважды прошел всю страну вдоль Нила (помощниками его были два златоустовца — мастеровой Фомин и штейгер Бородин). Вернувшись домой, он написал книгу в защиту негров.

СТАЛЬНЫЕ ПУШКИ

...На горах пестрел снег. Солнце изредка проглядывало сквозь разрывы тяжелых облаков. Ветер с пруда пронизывал.

Солдат-пушкарь втягивал шею в воротник: его поколачивала дрожь.

Павел Матвеевич перебрасывался словами с артиллерийскими приемщиками. Ждали офицера из канцелярии Глинки, главного начальника заводов хребта Уральского, — опаздывал.

Россия проиграла Крымскую войну, несмотря на отчаянную храбрость солдат и офицеров, несмотря на то, что адмирал Нахимов разбил вдребезги эскадру Осман-паши.

Николай Первый, начиная войну, рассчитывал, что придется воевать только с Турцией: Англия выступит на его стороне, Франция не будет мешать, а Пруссия и Австрия — давние друзья. Его обвели вокруг пальца. России пришлось воевать одной против самых сильных государств Европы.

Выявилась техническая отсталость русской армии; медные и чугунные пушки безнадежно устарели — нужны были стальные. Аносов еще десять лет назад пробовал получить пушечную сталь, но опыты закончить ему не дали. Теперь этим делом пришлось заниматься артиллерийскому капитану Обухову,

который стал директором оружейной фабрики. В 1860 году Павел Матвеевич пушечную сталь получил.

Первую пушку испытывали у Косотур-горы. Обухов волновался: а ну разорвет при пробе. Взяли меры предосторожности, удалили зевак.

Наконец, офицер от Глинки приехал. Пушкарь подсыпал на затравку пороха. Павел Матвеевич достал серебряные часы-брегет, посмотрел, махнул пушкарю: «Давай!». Солдат перекрестился, поднес факел к запалу.

По горам прокатилось эхо. Все кинулись поздравлять друг друга. Родилась первая стальная пушка в России! Поди теперь, возьми нас голыми руками.

Пушку отправили в Петербург. Там она выдержала четыре тысячи выстрелов — в два раза больше, чем требовалось, и металл нисколько не подался, как заключили эксперты. Сталь оказалась нисколько не хуже знаменитой тогда крупновской, даже лучше. Та пушка и теперь цела. Ее можно увидеть в Артиллерийском музее в Ленинграде.

УЗЕЛ СТАРИКОВА

Возьмите в руки веревочный шнур сантиметра в два сечением. Сделайте узел, не затягивая, просуньте в него конец и навяжите еще узел — и так в любой комбинации до тех пор, пока хватит шнура и фантазии. Получится путаная вязь.

А теперь попробуйте представить этот узел стальным. И сразу появится сомнение: да разве возможно?

Были на заводе умельцы, вязали удивительные узлы. Ни одной, даже самой крошечной вмятины, ни одного следа от молота. Как будто взяли в руки концы и очень легко, без всяких усилий, наплели.

Два таких узла сохранились до наших дней. Их завязал златоустовский кузнец Авдей Иванович Стариков в конце прошлого века. Как это ему удалось? Повторить сегодня никто не может.

СТАРЫЙ МАСТЕР

Николай Константинович Вагин сидел у самовара, пил из блюдечка чай с молоком, поглядывал в оконце на пруд и рассказывал:

— Теперь что не робить? Напоят-накормят, оденут-обуют, выучат и про текущий момент расскажут.

Он работал сталеваром в старом мартене, которого теперь нет. А поступил на завод в прошлом веке, еще когда старая, со времен Демидова, домна стояла. Много лет он пробыв в учениках, только в советское время в сталевары вышел. Он даже Швецова помнил, того самого, чей отец с Аносовым булат варил.

Николай Константинович улыбнулся:

— Забежишь в литейку, а Павел-то Николаевич лежит, глаза прикрыл — отдыхает. Стоишь. «Чего тебе?» — «С пробой». Приоткроет глаз: «Пять лопат шихты брось». Бросишь — и как раз получится. Булат в горшочках варил. Достанет пакетик, высыплет в плиту — и в горшок-тигель. Цену себе знал. Но обиды на старых мастеров, что секреты хранили, не должно быть — самим приходилось до всего доходить, трудом всей жизни.

Николай Константинович подставляет чашку под самоварный кран.

— Работа была адова. Пришел на смену, если пропотел — хорошо, не про-

потел — угорел. Бочка с водой стояла, так головой тебя туда — и вынесут.

До Великой Отечественной войны металл в печке сидел восемнадцать часов, в войну довели до шести. Три плавки давали каждый день.

Рассказывал старый мастер, как его за год до конца войны орденом наградили и как отпустили домой выспаться — это тоже было большой наградой.

ПЕТЛЯ ГАРИНА

Кто сказал, что машина времени — выдумка фантастов? Ничего подобного. Она существует. Нам кажется, это — память народа, и с ее помощью мы можем отправиться куда угодно. Давайте отодвинем рычаг управления назад, на отметку 8 сентября 1889 года, и посмотрим, что тогда происходило в Златоусте.

К небольшому одноэтажному зданию вокзала, где уже образовалась толпа, бегут мальчишки, обгоняя грохочущие по камням повозки. А на перроне путейцы-рабочие, в чистых, на этот раз стиранных одеждах, даже разбитые всмятку картузы заломлены с шиком. Начальник станции торжественно-тих и серьезен. Он, наверное, побаивается губернатора, который прохаживается взад-вперед, как генерал на смотре. Толпа тянет шею, словно в ожидании чуда. Наконец, из узкого каменного коридора выемки показывается паровоз, увитый

золотистыми и пурпурными гирляндами веток. Из трубы — чих-чих-чих — валит густой дым. Паровоз свистит к вящему удовольствию мальчишеской публики, замедляет ход, подкатывается к станции и останавливается, выдыхая белый пар.

Из паровозной кабины выходит бородатый человек в тужурке инженера-путейца, снимает фуражку, приглаживает кудрявую, уже седеющую голову и говорит речь о том, что с этого дня Златоуст перестает быть медвежьим углом, что этот первый поезд из Уфы связал его с центром России.

Губернатор трясет ему руку:

— Николай Георгиевич, вы довольны?

— Впереди Сибирь, путь к океану...

Это был инженер-строитель железных дорог Гарин-Михайловский, русский писатель, оставивший детям замечательную книжку «Детство Темы».

Места, по которым проходит теперь Южно-Уральская железная дорога, он исходил, измерил, изучил основательно.

Недалеко за городом еще сейчас стоит сооруженный Николаем Георгиевичем пограничный столб «Европа—Азия». А дальше на восток натыкаешься на загадку: дорога вдруг делает петлю, вовсе, кажется, не вызванную какой-то необходимостью.

Он был мечтателем. Ему хотелось вдоль железной дороги построить не унылые вокзалы, а хрустальные дворцы и чертоги, чтобы все радовало глаз путешественника. Задним числом некоторые специалисты его упрекали в расточительстве — можно, мол, было спрямить дорогу — и даже прикинули, сколько минут и рублей сэкономилось бы. Правда, другие не соглашались: нет, только при помощи такой «петли» можно было перевалить хребет. Может быть, правы первые... хотя Гарин-Михайловский умел считать казенную копейку и только на златоустовском отрезке дороги сэкономил полтора миллиона рублей. И потом разве можно просчитать, сколько стоит восторг пассажира при виде разворачивающейся за окном вагона панорамы. Поезд, завершая петлю, приходит почти в исходную точку словно затем, чтобы кинуть еще раз прощальный взгляд на границу частей света, прежде чем устремиться в неохватные глазом просторы Сибири.

ПИСТОЛЕТ В ДЫМОХОДЕ

Ломали старый дом. Когда разбирали печь, нашли пистолет. Кто и зачем его туда положил?

До революции жил в этом доме Степан Тютев и пятеро его сыновей. Все братья пошли в революцию, правда, задачи ее каждый понимал по-своему, потому и примкнули к разным кружкам и партиям. Среди них был эсер, а они, известно, любили погрозыть пистолетом. Однако не будем спешить. Дело в том, что вместе с пистолетом в тайнике оказались листовки. Они призывали рабочих продолжать забастовку, пока не введут восьмичасовой рабочий день. А это уже из программы социал-демократов. Хранить такие листовки мог только Андрей.

Андрей, мастер в одном из цехов, с товарищем своим Владимиром Рогожниковым организовал социал-демократический кружок, который и руководил забастовкой.

Бастовали все лето 1887 года. И начальство сдалось: в прокатных цехах (а потом и в других) ввели трехсменную работу.

А потом начались аресты. Видимо, в это время старый Тютев, боясь лишних улик, надежно упрятал пистолет и листовки.

Андрея увезли в Уфимскую тюрьму. Допросы с пристрастием, карцер, скоротечная чахотка... Через год, когда участь узника была уже предрешена, его выпустили. А через неделю все рабочее население Златоуста провожало тело замученного революционера на старое Уреньгинское кладбище.

Потом каждый год в этот день на могиле Тютева проходили митинги, говорили речи, пели «Интернационал».

ВОСТОЧНЫЙ ВАЛЬС

Есть такой старинный вальс — «На сопках Манчжурии». Написал его капельмейстер Мокшанского полка, расквартированного в Златоусте в конце прошлого века, Илья Шатров. Навеяли его мелодию тяжелые события японской войны. Но, думаем, не только они.

Перед тем произошли не менее трагические события в Златоусте — в марте 1903 года на Арсенальной площади была расстреляна демонстрация рабочих. Они вели себя мирно и отстаивали ранее оговоренные права, которые уже не в первый раз пытались ущемить начальство.

Солдаты дали по толпе три залпа по сигналу трубы из оркестра, которым руководил Илья Шатров, недавно окончивший в Варшаве музыкальный институт.

Командовал полком тогда полковник Петр Побыванец, храбрый боевой офицер, проявивший себя в войне с турками под Шипкой, и, главное, очень честный человек.

О чем думал командир полка после расстрела?

Как чувствовал себя молодой композитор?

Мы не знаем, но можем судить по дальнейшему развитию событий. Десять дней бился полк под Мукденом, истекая кровью в безвыходном положении. Смертельно раненный командир не покидал поле боя. От полкового оркестра осталась едва ли половина — под грохот сражения он, не смолкая, играл марши, воодушевляя изнемогающих солдат.

Семь музыкантов из оркестра получили боевые медали. Илью Шатрова наградили орденом.

Петр Побыванец, умирая, просил перевезти его тело в Златоуст. Его похоронили в Березовой роще, где покоились расстрелянные рабочие.

Мокшанский полк вернулся в город и вскоре поднял восстание. Его расформировали. А Илья Шатров написал знаменитый вальс.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ ЗЛАТОУСТА

Мы сидим на лавочке у маленького белого дома в Ветлуге. Впереди искрит пруд, позади, на Косотуре, словно застыли в неподвижности редкие лиственницы.

Иван Семенович Алексеев рассказывает:

— Когда белые были в городе, задумали они вывезти завод в Сибирь. Мы сложа руки не сидели. Создали подпольную организацию молодежи. Сколько числом? Этого сказать не могу. Знали только членов своего десятка. В нашем десятке, например, были Толя Баранов, Вена Уткин, Казимир Глинский, Мишка Лукин.

Иван Семенович умолкает на некоторое время, припоминает. А вспомнить ему, делегату III съезда комсомола, есть что.

— Знали, конечно, Виктора Геппа, да и то не все — только руководители десятков. Он был вроде связного у Теплоухова, руководителя большевистской подпольной организации, который работал в городской управе — неприметный с виду человек в очках. Обо всей работе тоже сказать невозможно, но представить нетрудно. Комендант Златоуста полковник Алексеев жаловался через газету, что кто-то постоянно выводит из строя связь, кто-то насыпал песку в масло динамомашин и она перестала работать — завод остался без света. Мы писали и расклеивали на видных местах воззвание «Долой Колчака!», то есть главнокомандующего белых, собирали и хранили оружие. Но самое главное — готовили взрыв моста через Тесьму перед отправкой заводского оборудования в Сибирь. 16 мая 1919 года состоялось совещание на квартире Анатолия Баранова, где был среди прочих и Виктор Гепп. А 17 мая начались аресты: в организации оказался провокатор. Мне удалось уйти в Куваши к родственникам. Одного из первых в нашем десятке взяли Казимира Глинского.

Красная Армия наступала, и контрразведка спешила. Кого на допросах забили до смерти, кого, в том числе и Виктора Геппа, расстреляли потом. Совсем немногие дожили до прихода красных.

От Виктора Геппа осталось несколько писем из тюрьмы. В одном он писал домой: «Утешение я вам могу дать то лишь, что все, что свалилось или взвалится на мои плечи, я переносу и перенесу бодро, с полным сознанием...»

ИВАН МЕНЬШОЙ

На Малой Громотушной, в доме № 44, когда-то жила большая семья Ипатовых.

Рабочий-кальщик Иван Федорович и его жена Мария Петровна были одними из первых большевиков в Златоусте. Их дом долгое время являлся конспиративной квартирой, где могли скрываться, просто останавливаться и работать профессиональные революционеры. Так, жили у них Сергей Александрович Черепанов — товарищ Якова Михайловича Свердлова по Екатеринбургскому комитету, Борис Александрович Скворцов, которого готовили для отправки на Лондонский съезд партии в 1906 году, и другие. Все они, особенно «Лука» (Черепанов) вносили романтическое начало в тяжелые будни подполья.

— ...Шел мокрый снег. Калоши скользили. Я с маленьким ребенком стояла у дома горного начальника до полуночи, а утром снова пришла на площадь, — вспоминала Мария Петровна о событиях, которые закончились расстрелом рабочих в марте 1903 года.

Этим ребенком на руках был Ванюша. В атмосфере непрекращающейся борьбы рос и жил он. А как только городу стали угрожать белые, он — в пятнадцать лет — взял в руки винтовку и вместе с отцом отбивался от восставших белочехов 27 мая 1918 года, вместе с ним отступал из города в отряде Виталия Ковшова с тяжелыми боями, уже в качестве пулеметчика. Так их и звали — Иван Большой да Иван Маленьшой.

Три года воевал Ваня Ипатов. Ходил в разведку, пел на привалах песни, случалось, отбивался от врагов гранатами и бил их из пулемета... Так и прошел всю гражданскую, от первого боя в Златоусте до последнего, в сибирском селе Сладчанском, где и настигла его смертельная пуля.

Из тех немногих его сверстников, кого удалось нам застать в живых, все запомнили его веселым, добрым и ловким. Даже в мальчишескую драку вступал с улыбкой и всегда на стороне слабого.

ИЗ СЕМЬИ ГЕРОЕВ

Шел человек, опираясь на трость. Брела собака. Шуршали осенние листья. Человек сел на скамью, собака устроилась у его ног.

Это был Венедикт Дмитриевич Ковшов, революционер и боец гражданской войны.

Мы подошли, попросили рассказать о подполье, о боях и товарищах. Он посмотрел внимательно, слглотнул подступившее к горлу, отвел взгляд — в глазах появились слезы.

Многое вспомнилось ему тогда...

В селе Улу-Тюляк, что в переводе означает Большое Корято, в единственной большевистской семье там, выросли все шестеро детей Дмитрия Дмитриевича Ковшова.

Старшие, Виталий и Венедикт, учились в Златоусте и там же вступили в партию. Виталий, энергичный и боевой, после революции много ездил по уезду, помогал устанавливать на местах Советскую власть, стал председателем ревкома. Он руководил первым боем в Златоусте, когда же колчаковцы захватили город, повел красногвардейские отряды на соединение с Красной Армией. Венедикт в то время ушел бить дутовцев.

Позднее Виталий учился в академии Генерального штаба, командовал кавалерийской бригадой, которая наводила ужас на врагов. Однажды перед важным боем комбриг объезжал части и решил заночевать в одном из полков, в деревне Правтюки. Глухой ночью напала банда Булак-Булаховича, и Ковшов погиб в неравной схватке. Похоронили его на Красной площади, у Кремлевской стены.

Дочь Венедикта, Наташа, стала Героем Советского Союза. После окончания школы снайперов она воевала под Москвой, в самые тяжелые для столицы дни. Однажды вместе с подругой Машей Поливановой оказалась в окружении. Девушки отстреливались до последнего патрона, а потом, уже раненные, бросили себе под ноги гранату.

А что же сам Венедикт Дмитриевич?

Служил в одном из штабов Красной Армии, учился в институте востоковедения, поступил в аспирантуру, но по навету недобрых людей был арестован. Много лет ему пришлось валить в тайге лес, пока справедливость, наконец, не восторжествовала.

С РУЖЬЕМ И МОЛОТОМ

Тот июльский день 1918 года, по воспоминаниям очевидцев, был удушливо знойным. Стояла глухая тишина. Накануне белые прорвали фронт и к вечеру вошли в город.

А наутро, еще до восхода солнца, заполошно зазвонил колокол: белые подняли священника, чтобы служил молебен в честь армии-освободительницы.

В городе начались аресты. Одним из первых взяли машиниста Георгия Шипицына. Его вели со связанными назад руками. Белая рубашка намокла от крови, лицо в кровоподтеках. Жители железнодорожного поселка пугливо отшатывались от окон.

Он шел, не опуская головы, как человек уверенный в правоте и хорошо знающий, что пощады не будет. И это не нравилось тем, кто его вел. Несмотря на то, что он шел достаточно быстро, его нетерпеливо толкали в спину. Еще месяц назад белые могли взять город, но помешал именно он, комиссар тяги железнодорожного узла — вывел эшелон с белочехами к выемке около полотна, где залег красногвардейский отряд и где завязался первый бой. Пришлось белякам бежать к Заводской платформе, спешно отъезжать к Тундушу, а оттуда уходить к Веселовке.

Теперь они вели его на расправу.

Много лет прошло с тех пор. На месте боя стоит памятник первому дню гражданской войны на Южном Урале и первым павшим в ней. Черная фигура рабочего в блузе на белом постаменте. В левой руке тяжелый молот, в правой — винтовка. По праздникам на штыке появляется флажок.

Много лет проходившие мимо поезда отдавали ему гудками салют и эхо разносило его по отрогам синих гор.

НА СТОЛЕ У ЛЕНИНА

Раньше газеты и журналы выходили неразрезанными, как теперь, например, «Футбол. Хоккей», «Аргументы и факты». Поэтому некоторые читатели приобретали специальные разрезные ножи Златоустовской оружейной фабрики — иногда украшенные затейливым орнаментом.

Известно, что Владимир Ильич Ленин много читал. И вот златоустовские мастера решили приготовить вождю к его пятидесятилетию красивый подарок.

Этот нож и теперь лежит на рабочем столе среди прочих необходимых когда-то предметов в кремлевском музее-квартире Владимира Ильича. И всякий его может видеть, если придется побывать на экскурсии в столице.

А украсил орнаментом нож гравер Дмитрий Егорович Яковлев, художник очень даровитый. Ручку сделал резчик Иван Филиппович Ногтев.

ГУТ — ЗНАЧИТ «ХОРОШО»

Когда окончилась гражданская война и рабочие восстановили разоренный Колчаком завод, в Златоуст нередко приезжали делегации из разных стран посмотреть, что же такое происходит в первом государстве рабочих и крестьян и как у них идет дело. Была такая делегация и из Германии.

Директор Василий Петрович Zubov повел немецких рабочих показывать хозяйство и прежде всего новую кузницу. У печей и прессов немцы с любопытством разглядывали рабочих, спрашивали о зарплате, стараясь перекричать грохот молотов.

Подошли к браковщику, который определяет твердость. Он берет свежий топор, насаживает и рубит им сплеча по железной полосе. Гости рассматривают топор, полосу, качают головами: «Гут!» — хорошо, значит.

Вечером делегаты говорили о том, что производство налажено умело. Особенно им понравилось товарищеское отношение руководителей к рабочим и уважительное — рабочих к руководителям.

— Приезжайте теперь к нам в Германию, — говорили гости на прощание.

— Когда прогоните капиталистов, — ответил кто-то.

Они уехали, а в кузнице продолжали звенеть, падая на пол, топоры, о которых златоустовские поэты складывали песни, потому что это были самые легкие и самые крепкие топоры в стране.

ДЕКЛАРАЦИЯ ФИЛАТЕЛИСТОВ

Собирание марок сейчас почитали бы за чистое чудачество, если бы им не занимались очень уж солидные люди: государственные деятели, ученые, писатели, чемпионы — и не находили бы в этом большую пользу для себя. Вот что, к примеру, говорил Анатолий Карпов: «Увлечение филателией для меня больше, чем отдых. Бывает, не расстаюсь с альбомом в дни самых напряженных соревнований. Мне трудно представить свою жизнь без шахмат и марок».

Выходит, далеко не пустое это дело. А если так, то кто-то должен был привести в него систему, придать ему смысл.

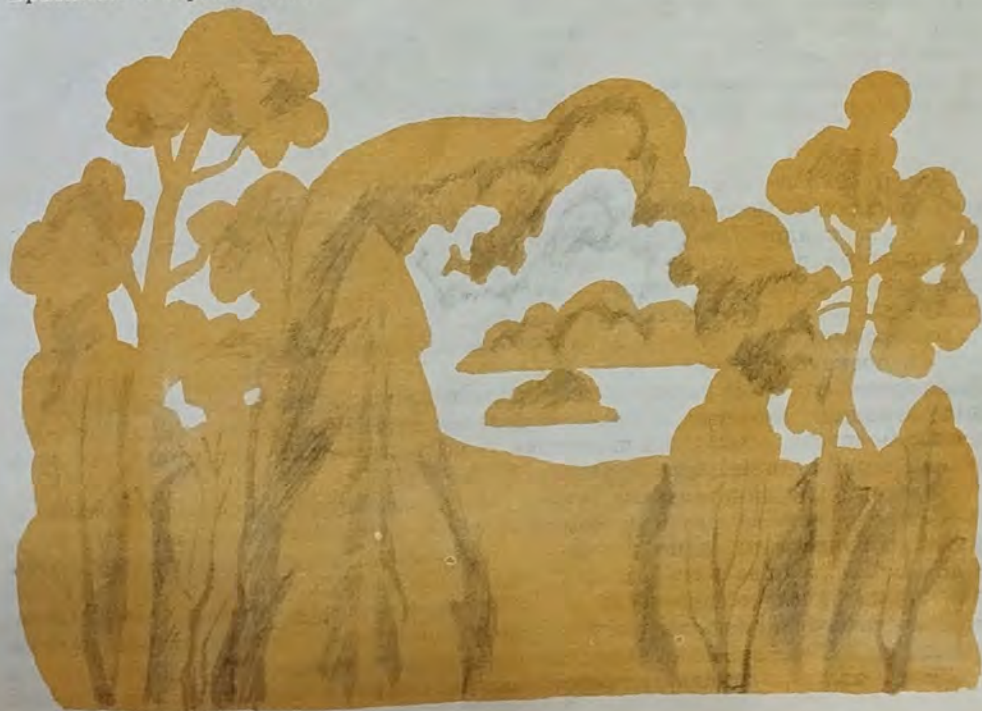
Наверное, и до революции в Златоусте были собиратели марок — утверждать трудно. Если и были, скорее всего коллекционировали в одиночку, занося в альбомы все, что попадало под руку.

После революции среди множества кружков — струнных, хоровых, футбольных — появился в Златоусте и филателистический. Возглавил его учитель обществоведения Михаил Яковлевич Сюзюмов. Он и предложил: не лучше ли коллекционировать по темам. Стали судить да рядить и составили декларацию юных филателистов. В ней говорилось о том, что марка — исторический документ эпохи и что лучший альбом может быть не у самого богатого на марки человека, а у того, кто сумеет сделать лучший отбор по теме.

Эта декларация была напечатана в журнале «Советский коллекционер» в 1925 году. Среди филателистов начались споры: одни защищали «златоустовскую платформу», другие отвергали. Принципиальных возражений до сих пор нет. Во всяком случае, подлинные собиратели марок и сегодня следуют примеру златоустовских школьников, которые оказались основоположниками целого направления.

ПЕРВАЯ УДАРНАЯ

Однажды в город приехала делегация Четвертого конгресса КИМа, то есть Коммунистического Интернационала Молодежи (был в двадцатых годах такой союз) — представители Франции, Чехословакии, Бельгии, Болгарии, Италии, Бразилии и Аргентины.

Вечером встретились в кинотеатре «Ударник». Гости рассказывали, кто, где и как живет и как борется за свободу. Говорили и наши.

Очень заинтересовало всех выступление Василия Симонова. Василием-то да еще Михайловичем он стал потом, а тогда приятели называли его Васькой. Рассказывал он о неслыханном деле: десять безусых дали «бой» бородачам в кузнице и превзошли их.

Как делали топоры прежде? Мастер «вел» свой топор в одиночку, от начала всего процесса до его завершения: брал заготовку, нагревал в печи, ковал под молотом, когда остывала — снова нагревал и снова ковал. В конце смены каждый мастер сдавал свои топоры.

Симонов с ребятами — Пашей Дудоровым, Андрюшей Шляхтиным, Васей Кузнецовым, Фейей Носыревым, Ваней Мартыновым и другими — разделили процесс на операции, и каждый стал делать только одну: один отковывал обушок, другой выполнял засечку бородки, третий следил за нагревом...

Никто из мастеров не поверил, что из этой затеи может выйти что-нибудь путное. Вышло. И стал тот день, 27 июня 1927 года, когда ребята показывали свой метод, днем рождения первой на Урале ударной бригады.

Вот почему бригадир Симонову долго хлопали после его рассказа. А в перерыве к нему подошел негр из Бразилии и протянул руку. Симонов подал свою. Негр пожал ее — Симонов ответил дипломатично тем же. Негр прибавил силы — Симонов не остался в долгу.

С той и другой стороны собрались болельщики.

— Васька, не поддавайся!

— Давай-давай!

За пожатием белой и черной руки с интересом следили хозяева и гости. Наконец негр широко улыбнулся, разжал пальцы и дружески похлопал Симонова по плечу. Раздались возгласы одобрения.

ДИРЕКТОР

Летом 1935 года в Златоусте появился первый личный автомобиль. Было чему удивляться зевакам: машину тогда мог купить не каждый директор завода, а у Александра Тимофеевича Золотова она все-таки есть, и управляет ею не сам владелец и даже не степенный водитель (профессия шофера тогда была очень престижной), а женщина — супруга директора.

Как же появилась машина у Золотова?

За прокат металла за граница требовала золото — нужно было наладить выпуск проката в нашей стране. В Златоусте стали строить специальный цех. Посмотреть, как идут дела, приехал нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе. Ходом строительства остался доволен, особенно распорядительностью Золотова. «Хороший директор», — похвалил он его и за успешный пуск прокатных станков наградил машиной.

Золотов был удивительным человеком. Он первым на заводе сказал: «Пора хвалиться результатами, а не мозолями, пора укладываться в рабочую смену. Кто задерживается дольше, тот не умеет работать. Мы дали стране прокат. Мы дадим самое лучшее в мире сверло. Мы — это здорово!»

Потом его сняли с работы за то, что он заступился за инженера Землянского, сварившего первую в стране нержавеющей сталь и объявленного врагом народа (его обвинили в чтении книг на немецком языке).

Почти полвека спустя уральский писатель Сергей Черепанов рассказывал:

«Мы сидели с ним в одной камере. Это был необыкновенный, неунывающий и деловой человек. Нашел кусочек железа, довел его до остроты бритвы и каждый день брился. На ночь аккуратно укладывал брюки на нары под постель, они были всегда со стрелками, словно отутюжены. На допросы ходил подтянутым и опрятным, подавая нам пример стойкости. Однажды в камеру он не вернулся...»

КАМАРАДО СЕРХИО

Два раза в 1939 году сообщали о присвоении ему звания Героя Советского Союза — «за образцовое выполнение боевых заданий и за выдающийся героизм».

Добровольцы республиканской Испании знали: если в небе камарадо Серхио, не видать фашистским асам удачи. Его изобретательность, выдержка, смекалка, бесстрашие восхищали.

Все, кто писал о подвигах Сергея Грицевца, рассказывали о таком случае. Было это на Халхин-Голе.

Японцы, готовясь к большой войне, именно там решили «разведать» мощь нашей армии. Воевали самураи хорошо, самолеты имели отличные, и схватки выдавались жаркие.

Представьте выгоревшую степь. Солончаки. Зной. Маревы. Блеклое небо словно отливало на солнце. На горизонте появляются черные точки. Истребители, оставив на земле красноватую пыль, поднимаются навстречу. Звено ведет Грицевец на перехват и связывает вражеские самолеты боем.

В этом бою японцы сбили машину замполита Забалуева. Упал он на вражеской территории. Почти до самой земли сопровождал его Грицевец. К месту падения уже спешили японцы, когда он сел рядом, втянул в одноместную кабину своего самолета Забалуева и взлетел на глазах у оторопевших японцев.

К сказанному добавим, что в юности Грицевец работал слесарем на Оружейной фабрике, был комсоргом, вместе со сверстниками выступал в живой газете, в тяжелые для города дни выходил на субботники по расчистке дорог от снежных заносов или по заготовке дров; из горкома комсомола, где заведовал сектором, ушел в летную школу.

ШВАРЦМЕССЕР — ЧЕРНЫЕ НОЖИ

Мальчишки, известно, любят читать и слушать про путешествия, приключения, опасности... Дедушки современных мальчишек ничем не были хуже. Внимательно следили они, например, за плаваниями ледоколов «Седов», «Сибиряков», «Челюскин», знали наперечет всех полярников. Златоустовские мальчишки того времени были особенно внимательны, ведь участники экспедиций Шмидта были снабжены ножами, изготовленными по специальному заказу в нашем городе.

И во время войны эти ножи сослужили свою службу, особенно разведчикам.

Павел Филиппович Онищенко, работник того завода, где делались эти ножи, был на передовой и семнадцать раз ходил в глубинную разведку, то есть в тыл врага. Он выполнил все задания, вернулся домой живым и невредимым, заслужив много боевых орденов и медалей, и рассказывал о том, как фашисты боялись рукопашной, называя уральцев «шварцмессерами», то есть черными ножами.

Вручали ножи златоустовцы своим посланцам в Уральский добровольческий танковый корпус. В «Марше добровольцев», говорят, звучали такие слова:

Пусть запомнят фашистские гады
Наш уральский стальной черный нож.

Теперь такой нож можно посмотреть в заводском музее, на площади Третьего Интернационала, в экспозиции, посвященной тому тяжелому времени. Кстати, там можно увидеть и фотографии: мальчишки, подставив под ноги снаряженные ящики, чтобы дотянуться до рукояток станков, обтачивают детали.

ПО-ДРУЖЕСКИ ДА ПОПРОСТУ

Иван Михайлович Наруков в годы Великой Отечественной войны был летчиком-штурмовиком и выполнил девяносто пять боевых вылетов. Много ли это — судите сами: за сто вылетов присваивали звание Героя Советского Союза.

Однажды, годы спустя (тогда он работал в деревообрабатывающем цехе завода имени Ленина), Иван Михайлович рассказывал:

— В августе сорок третьего наша эскадрилья ИЛов обрабатывала вражеские позиции. Когда я выходил из атаки, мой самолет прошла трасса. Разби-

до приборную доску, продырявило масляный бак. Упало давление. Повернул в свою сторону. Не дотянул. Пришлось сесть без шасси: винт в баранку, пыль столбом. Вылез и первым делом к стрелку-радисту: что с ним? А тот, Валера Толмачев, друг мой боевой, — в каких только переделках мы ни бывали с ним — весь изранен: грудь прострелена, нога перебита. Говорит мне через силу: «Уходи, Иван. Брось меня. Накроют...» А как бросишь? Уложил на парашют, поволок. Дотащил до балки, укрыл. «Подожди, — говорю, — смеркнется — к своим переберемся». Не дождался он, не дожил до рассвета. Тащил я его всю ночь и на другой день попал к своим. Отвезли на хутор Буденновский. Похоронили с почестями. На свежий холмик поставили трехлопастный винт от ИЛа, увитый цветами. Потом на родине Толмачева его именем назвали пионерскую дружину. Осталась память.

* * *

Аркадий Иосифович Куколев работал в производственном отделе того же завода.

— Вы знаете, — однажды очень буднично сказал он, — я танк в плен взял. Многие не верят. А дело было совсем просто. Сидим в окопах. Идут танки. У нас же, кроме винтовочных патронов, ничего нет. А пуля танку, что слону дробина. Два танка прошли, а один вдруг остановился. Как потом выяснилось, сел днищем на огромный пень. Дергается, скрежещет — и ни с места. Выскочил я из окопа, взобрался на танк и закрыл плащ-палаткой смотровую щель. Кричу: «Хенде хох!» Открывается башенный люк, высовывается голова немца. Тут на помощь мне друзья подоспели. Вот как было...

«ОАЗИС»

Юрий Шумицкий шел пешком на Олимпиаду-80 из Владивостока в Москву. Много башмаков истоптал он, прежде чем оказался в родном Златоусте. Из почтовых отделений отправлял он путевые очерки на радиостанцию «Маяк», а та включала их в передачи для тех, кто в море.

В Златоуст он прибыл Первого мая и пристал к праздничным колоннам.

— Кого ищешь, Юра?

— Оазис.

Мы даже не улыбнулись: знали, о чем сказано.

Было это более тридцати лет назад. Страна перестраивала жизнь. Разоблачен культ личности. Повсюду старались избавиться от мрачных его последствий, от всего того, с чем больше не хотели мириться. Школа № 8, например, постепенно освобождалась от дурной славы самой драчливой в городе. Поговаривали, что это благодаря приходу в нее девчонок, раньше-то она была мужской. Может быть, и так, только нам кажется, дело было в новом времени, новых наставниках, в желании мальчишек больше знать и уметь.

Однажды несколько старшеклассников приперли классную дверь изнутри и приступили к учреждению тайного литературного общества. Разработали программу, обряд приема и устав, главный параграф которого категорически требовал: «Живи до смерти!» Общество назвали «Оазисом», рассматривая окружающую среду — пустыней, газету — «Кактусом», считая, что в пустыне и колючки — благо. Писать должны были все. Что? Все, что поддается перу. Фельетоны, эпиграммы, поэмы, романы (с продолжением и без). О чем? Обо всем, что происходит в школе и в мире. Для полной конспирации выбрали псевдонимы. Изящно-поэтичный Петя Серебряков стал Доктором Ломом, добродушно-философствующий Саша Моисеев — Дыбовласовым, элегантно-рассудительный Гена Шматко — АКО: нечто сокращенное по сравнению с фамилией. Тайна — тайной, а без мудрой фантазерки Гертруды Рудольфовны Эрбе, под влиянием которой стихи дерзали писать даже на немецком языке, вряд ли дело бы выгорело.

«Кактус» вывешивали в тихие минуты — на переменах его осаждали толпы.

На вечерах показывали спектакли — по своим пьесам, сами воплощались на сцене в Печориных, Чичиковых, Безуховых.

Сумерничали у каждого по очереди на дому: читали друг другу лекции, обсуждали стихи.

О каникулах представляли поэтические отчеты.

Важничая, принимали в «Оазис» новичков.

Почти плакали, уезжая по окончании школы. Являлись издалека на вечера встречи с выпускниками, отчитывались перед новым поколением «Оазиса» дипломами, публикациями, книгами, благодарили учителей, которые не торопились закрыть вовсе не тайное для них тайное общество и помогали ему оставаться оазисом.

Доктор Лом, Дыбовласов и Прошка Крошка работают в издательствах и редакциях журналов. Песню Салаженка (поэта и журналиста Юрия Зыкова) пели однажды как гимн участники Куйбышевского фестиваля самодеятельной песни. АКО защитил диссертацию по теме: «Продувка жидкой стали в ковше аргоном для удаления газов и неметаллических примесей». Что ж, весьма близко юношеским литературным мечтаниям, если вдуматься.

ФУТБОЛЬНЫЙ КРУЖОК, «УРАЛЬСКАЯ МОЛНИЯ» И КАИССА

Спорт. Он ведь от удали молодецкой. Раньше силачи поднимали тяжести, гнули подковы, крестились двухпудовой гирей, перекидывали ее через ворота. Тратили силушку и во всевозможных потасовках. Шли стенка на стенку улицами, поселок на поселок. Сколько помнят кузюки (так называли тут истинных златоустовцев, ведущих начало от Казенных Уральских Заводов). Ветлуга дралась с Заречкой, Демидовка с Уреньгой, Чапаевский (некогда Ермоловский) поселок с Закаменкой. Весной, как только обнажались горы, ребятишки, а потом и парни пытались согнать друг друга с занятой высоты. Кто согнал, за тем и победа.

А подлинный спорт начинался с футбола. В 1916 году рабочий завода Иван Тащилин привез из Москвы мяч и организовал футбольный кружок. Правил игры поначалу не знали и загоняли мяч в одни ворота.

Настоящее увлечение футболом пришлось на конец двадцатых — начало тридцатых годов, когда городская команда стала выезжать в другие города области. Однажды златоустовские «Голубые» с разгромным счетом проиграли «Зеленым» из Миасса, вернулись домой подавленные. Тогда решили заняться спортом всерьез и строить за прудом стадион, который исправно служит и до сих пор.

А сегодня мы, пожалуй, отказались бы перечислить все виды златоустовского спорта. То один, то другой вырывается вперед по числу чемпионов и поклонников. В пятидесятые годы в особом почете были коньки — тогда Златоуст

дал мировому спорту «уральскую молнию», шестикратную олимпийскую чемпионку Лидию Скобликову. Сейчас первенство нужно отдать саночникам и горнолыжникам: для них здесь все условия для тренировок — горы, специальные трассы.

Известная покровительница шахмат Каисса мчится в межзвездном пространстве на белых и черных конях, быстрых, как мысль, день и ночь, годы, столетия... Иногда осаживает коней и сворачивает в сторону — отдохнуть. Поэтому, говорят, шахматные кони буквой «Г», или валенком, ходят. И там, куда кинет свой взгляд Каисса, рождается шахматный гений. Видно, отдыхала она и под Таганай-горой — в Златоусте родился двенадцатый чемпион мира Анатолий Карпов. О том, как он шел к шахматному Олимпу и еще мальчонкой повергал в уныние гроссмейстеров, в Златоусте знает каждый.

МАЛЬЧИШКИ МОГУТ ВСЕ

Спросите у голубятника, что заставляет его размахивать шестом с тряпкой на конце, свистеть в два пальца и часами глядеть в синюю бездну, где едва заметные, как песчинки в роднике, кружат птицы. Поглядите в его глаза и поймете: он не здесь, не на земле, он — в небе, со своей стаей.

Человек тосковал по небу всегда.

...Во Дворце пионеров делали самолет. Настоящий. Володя Карманов, Витя Дружинин, Слава Рябинин — всего двенадцать человек. Им помогали взрослые — Лев Комаров и Гуго Петерс. Что из того, что взрослые? Ведь и они были мальчишками в свое время. Говорят, именно тогда Льву Комарову захотелось сделать настоящий самолет. Гуго Петерс — летчик. Судьба послала ему испытание — лишила ноги, но не смогла одолеть в нем мальчишеского упрямства.

Весной 1964 года самолет выкатили на городской пруд. Не верилось, что он оторвется, но он взлетел на глазах удивленных жителей.

Им заинтересовались настоящие авиаконструкторы. Олег Константинович Антонов, например, писал Льву Комарову: «Без всяких скидок можно сказать: создание такого самолета — большая творческая удача не только для вас, но и для любого конструктора!..»

Самолет мальчишки называли «Малышом», он оказался самым маленьким в мире. О «Малыше» писали в Чехословакии, Польше, Англии, США, во Франции и Японии.

Лев Александрович позднее стал профессиональным конструктором. Над Златоустом летали уже «Чижи». Их делали мальчишки под руководством Владимира Чижова — ученика Комарова.

А «Малыш» сделал более восьмисот полетов, налетал 236 часов. Он и еще, вероятно, мог бы летать, но его решили сохранить — для музея.

МЕТАЛЛУРГИ

Юные туристы сидели у ночного костра. Смотрели в черное небо. По Большой Медведице искали Полярную звезду.

— Спутник! — крикнул один.

Мимо Полярной звезды двигалась светящаяся точка.

— Хорошо бы посмотреть оттуда на землю,— сказал второй.
Третий сообщил:

— В спутниках есть и наша сталь.

Третий жил в поселке металлургов, знал все, что делается на заводе, потому что его отец был сталеваром, и возражать ему никто не стал.

— И в каркасах кремлевских звезд. А Александр Григорьевич Новиков даже сфотографировался вместе с Гагариным...

Это была правда. Их сняли вместе на сессии Верховного Совета страны. Александр Григорьевич был депутатом, уже тогда носил Звезду Героя Социалистического Труда.

Новиков — скромный человек. Ему бы не грех о себе побольше рассказать, а он все больше о товарищах. Любит поговорить о металлургах. Чаще ему вспоминается сталевар Амосов.

— Был до войны в Мариуполе знаменитый сталевар Макар Мазай — сталь варил лучше, чем бабка Дарья кашу. Никто не мог получить от печи больше металла, тягаться с ним считали пустым делом. Амосов заспорил и одержал победу. Это был мастер так мастер. Я машинистом завалочной машины был у него, знаю, рядом с ним вполсилы работать нельзя. Заметит, кинет рукавицы на пол: «Ах, окаянные!» Такое присловье было у него. Много позже, когда Василий Матвеевич был уже на пенсии, все жил заботами цеха. Придем бригадой, бывало, с праздником поздравить — виду не покажет, что рад, но в голосе волнение: «Не забыли, окаянные!» Вот и нет его, а пролетит спутник ли, пробьют ли куранты Кремля — и вспомнят о нем люди.

КОСОТУРСКИЙ ДЕДУШКА

Однажды шел молодой художник по Дворцовой площади Ленинграда. Видит — Эрмитаж. Зашел, посмотрел, удивился. Задумался — поступил в сторожа там. И получил много полезного для себя.

В другой раз, в Златоусте, он остановился в том месте, где Ай разрывает Уреньгинскую цепь: с одной стороны — гора Косотур, с другой — Бутыловка. Задумался — не могла река промыть такую гору. Вверх по реке прошел, вниз — необычно пласты лежат.

Стал читать научные труды. Накопил денег, поехал на Дальний Восток. Бродил там по берегу Тихого океана, брал пробы разных пластов, высчитывал. Получилось, что объем впадины океана примерно равен объему Луны. Луна оторвалась от Земли? Делает макет, едет в Москву доказывать ученым свою гипотезу.

В дни, не подходящие для прогулок, его можно было увидеть в архиве. День смотрит в подшивку газет, два смотрит и вдруг — стоп! Встает, ходит, потирает руки. Возвращается, разглядывает на свет желтый газетный лист: буква Т или Г напечатана? Видно Г, а должно быть Т. Глядит в лупу. Так и есть Т. Что же из этого? Заметку в 1918 году написал Иван Теплоухов, руководитель подпольной организации. Тысячи человек просмотрели газету — и ничего, а он задумался и сделал, пусть маленький, но все-таки вклад в изучение истории своего города.

Кедр растет в Сибири и Уральский хребет не переходит. Почему? Купил мешок кедровых орешков, посадил в своем огороде (а время было не очень сытное) и стал ждать всходов, чтобы потом перенести на волю.

— Штаны бы себе новые купил лучше, — укоряет жена.

А он хитренько усы топорщит: в новых-то по горам не совсем ловко бегать.

На выставках златоустовских художников среди прочих его работ можно было видеть портрет женщины в красной косынке, повязанной концами назад. Она похожа на активистку двадцатых годов, какими мы их сейчас представляем: волевая, строгая, с чувством собственного достоинства. Жена, которую, видимо, любил он тихой, безропотной любовью. Однажды попросил застенчиво друзей: «У жены день рождения, а она больна. Напишите открытку и опустите в почтовый ящик. Ей будет приятно».

В двадцатых годах проходили его персональные выставки. Он мог бы стать известным художником. Он мог бы стать астрономом, геологом, селекционером, мог бы... Но не стал никем, а точнее, стал всем понемногу, потому что хотел знать все.

Между швейной фабрикой и кинотеатром «Космос» вырос целый парк. Посадил его (едва ли кто теперь помнит) Александр Михайлович Сосновский, прозванный жителями косотурским дедушкой. Идешь по парку, и кажется: выйдет сейчас из-за куста и попросит: «Молодые люди, помогите отнести носилки». И останется очень доволен: «Девять человек прошли мимо, а десятый помог. Десятый-то помог! Жить стоит...»

Он очень мало имел из того, что называют материальными благами. «Зачем жил?» — скажет практичный человек.

У него была интересная жизнь. И он оставил о себе добрую память.

ГИТАРА ПО КРУГУ

Палатка. Костер. Гитара и песня:

Омыты перроны слезами дождей и прощаний.
Штормовки пропитаны дымом костров.
И вновь поезда, вопреки расписанью,
Идут с опозданием на много часов.
И нервы и струны натянуты туго,
И поезд подолгу на станции ждет,
Пока мы пропустим гитару по кругу,
И каждый о будущей встрече споет.

Тряхнет не однажды на рельсах житейский мой поезд,
Я знаю, как тяжесть утрат велика,
Как может жестоко стянуть тебя, Каменный Пояс,
Как может петлей опоясать река.
Но лучшие песни оставлены другом,
Никто не прервет их высокий полет...
Гитару по кругу, гитару по кругу!
Пусть каждый о будущей встрече споет.

Эту песню написал златоустовский поэт Юрий Зыков, неприменный участник всех проходящих в стране фестивалей самодеятельной песни.

В Златоусте такой фестиваль проводится обычно в мае-июне у Черной скалы. Чтобы попасть на этот праздник, люди летят на самолетах, едут на поездах, колесят на автобусах, мотоциклах, велосипедах, идут пешком, сгибаясь под тяжестью рюкзака, где у туриста, как говорится, и стол, и дом.

Всю ночь звучат под гитару песни, сочиненные в разных концах Родины.

Свет фар вырывает певца с гитарой перед микрофоном на скале, как на утесе, выступающем из бездны, — фантастическая картина.

ЯБЛОЧКО НА ТАРЕЛОЧКЕ

За окном голодной лисой плакала вьюга. В трубе гудело. В комнате виден был пар от дыхания, а руки зябли. Человек откладывал кисть, согревал пальцы и опять принимался рисовать. Он был художником, и звали его Александром Ивановичем. Он иногда подходил к окну и пытался поглядеть в окно. Там, в огороде, который он превратил в опытный участок, находились саженцы яблонь. «Вымерзнут или не вымерзнут?» — думал он. Все прошлые вымерзали.

Иногда он возвращался к репродуктору и, приложив ухо, слушал сводки с фронта — немцы занимали наши города.

Получить яблоки в Златоусте?! Даже ему иногда не верилось в успех. Ясных дней здесь в два раза меньше, чем облачных. Заморозки заканчиваются в июне, а начинаются в августе. Но главное — камень, и дожди, дожди...

Но Александр Иванович не хотел с этим считаться, потому что был художником, а художники, известно, все видят немного не так, как все другие люди. Одни над ним посмеивались, другие жалели его, а он высаживал саженцы вновь и вновь. И получил все-таки яблоко! Одно — через тринадцать лет, весом около ста граммов. Яблоко нового сорта — «Крупноплодная Златоуста».

Сейчас никто не знает, сколько садовых участков вокруг, может, тысяч десят, может, больше, потому что число их постоянно растет. Но самый первый сад в городе заложил он, Александр Иванович Боронников, в 1951 году.

Теперь никого яблоком не удивишь. Например, на приусадебном участке у Владимира Викторовича Максимовского настоящее яблочное изобилие. Да что яблоки, виноград — не диво. И всякая всячина с огорода дяди Володи на осенних садоводческих выставках занимает почетное место.

А ведь в архивных документах столетней давности можно прочесть о том, что тяжелое положение златоустовского рабочего усугубляется неблагоприятными рельефными и погодными условиями, которые не позволяют вырастить даже картошку.

НА ДАЛЬНОМ ТАГАНАЕ

Вершина Дальнего Таганая камениста и гола. Изуродованные ветрами деревья низкорослы, узловаты, они так и не достигают ее. Там только ягодники: голубика да брусника.

Начальник метеостанции Владимир Иванович Пономарев, знаток горной погоды, растительного и животного мира тех мест, написал в своем «Таганайском дневнике»: «Здесь кажется, что ветер срывается с края земли и с бешеной скоростью уносится в космическое пространство».

По старым поверьям, злой дух-шайтан прорвал над Таганаем небо и через дыру уносит теперь души грешников.

Но бывают на Таганай-горе и тихие дни, такие, что винт ветряного двигателя не вращается. И тогда ощущается состояние величавого покоя гор.

С непривычки трудно подниматься в гору. Но вот усилия вознаграждены, и вы у цели. Ветряк словно раздумывает: сделать оборот или не стоит. Метеоплощадка с приборами. Домик. На двери надпись: «Прежде чем войти, подумай, зачем ты там нужен?» Эта шутка, может быть, как нельзя лучше отражает добродушный юмор синоптиков и главным образом Владимира Ивановича, остролова, незаменимого проводника и, конечно, философа в силу особенностей своей работы.

Журналисты любят называть Таганай кухней погоды. Доля правды в этом, несомненно, есть. Горы влияют на формирование погоды и климата. В Златоусте, скажем, больше дождей, чем в Миассе, а Сыростан, если верить сообщениям столетней давности, держит рекорд по выпадению осадков.

Горы, очевидно, притягивают облака. Один старожил, Александр Николаевич Феоктистов, это явление объяснял следующим образом:

— У нас раньше на зиму между рамами клали кирпич, чтобы не запотевали стекла — кирпич втягивает влагу. Таганай тот же камень, только большой. Он притягивает к себе хмурые тучи и держит, пока они не прольются дождями.

НА ГОРАХ

Хоть прямо смотри, хоть влево или вправо, хоть назад обернись — все горы. Солнышко утром встает из-за вершин, за горы же вечером и садится. И в цент-

ре города, как башлык башкирского батыра, — Косотур. С него весь город хорошо виден, особенно вечером, когда горят огни: заводы, где делают холодильники, экскаваторы и часы, обувная и швейная фабрики, улицы, автомобили, трамваи.

Весь город не засыпает никогда — в городе металлургов это невозможно: сталь варится непрерывно.

Тому, кто живет в горах, к иному месту привыкать трудно, а бывает и невозможно. Знакомый нам инженер уехал в теплые края, где фрукты дешевые. Все у него есть, хорошо живет. Вот только тоскливо ему. Пишет сестре: «Маша, если поедешь ко мне, захвати камень с Таганая. Положу его под порог. Когда буду выходить, стану запинаться и думать: дурак, что наделал!»

Златоустовский Урал (так назвал наши места Павел Петрович Аносов) сравнивают со Швейцарией. А нам он кажется еще лучше. Окинешь взглядом с какой-нибудь горы окрестность — праздник для глаза и души.

Только очень нелюбопытному человеку кажется: горы — камень, что в них хорошего. Однако и камень не прост. Много его тут разного. У знатоков есть богатые коллекции. Иной отполированный минерал такую красоту выкажет, а ведь под ногами валялся.

А что растет вокруг? Кто живет в лесах? Обо всем не расскажешь — получилась бы очень большая книга. Потому решили остановиться на одном камне, одном растении, одном звере, одной рыбе и одной птице. Пусть другие не обижаются, они тоже очень хороши.

ЗЛАТОИСКР

Есть в Эрмитаже ваза весом в четыре тонны. Высечена она из авантюрина. Сколько же тогда весила каменная глыба до обработки! Сто пятьдесят лет назад ее спустили с Таганая. Каким образом — вот что удивительно: там и налегке немудрено сломать ногу. А потом — как везли в Екатеринбург на гранитную фабрику по несносным тогдашним дорогам? А из Екатеринбурга — в Петербург. Поневоле вспоминаются египетские пирамиды и вереницы невольников.

Авантюрин называют еще златоискром. Кусок камня искрится тонкими золотыми лучиками, как снежинки под фонарем. Долго вертишь его, чтобы поймать золотые искры, ловишь себя на мысли, что смотреть, в сущности, не на что, а вот, поди ж ты, оторваться невозможно.

Златоискр считался тогда довольно редким поделочным камнем. А тут целая гора!

БАШКИРСКАЯ КАПУСТА

Весной увидеть человека с пучком кислицы — обычное дело. Едят ее на улице, как мороженое, скажем. Продают на перекрестках — из рюкзаков, из мотоциклетных колясок, с тележных возов, из автомобильных багажников. Чистят, ломают на дольки и хрустят — вкусная трава. Пекут с нею пироги, варят варенье, какого нигде и ни в какое время года больше не отведаешь. Растение это эндемик, встречается только в горах, в окрестностях Златоуста.

Академик Петр Симон Паллас двести лет назад, путешествуя по Уралу, назвал кислицу башкирской капустой, отметив, что местные жители едят ее как лакомство. И был совершенно прав.

По весне, как только просохнут тропы, вслед за черемшой, или диким чесноком, который тоже охотно собирают златоустовцы, на склонах гор появляется кислица. Наиболее крупную знатоки находят возле каменных россыпей, на старых гарях, заброшенных пашнях, вокруг муравейников — там она особенно сочная и мягкая. В урожайные годы много ее бывает в осинниках с примесью березы, на опушках, вдоль конных, мало накатанных дорог.

Если вы привезете на пирог кислицы в подарок земляку куда-нибудь в Москву, Тольятти или Кривой Рог, его надолго возьмут в оборот воспоминания о родном крае.

Через две-три недели кислица перерастет, станет жесткой, и над остальными травами закачаются ее белые соцветия-кисти. И успокоятся златоустовцы до будущей весны. Разве что напомним о ней в осеннюю непогоду банка с вареньем.

БОБРЫ

Обещав рассказать только об одном звере, мы оказались в некотором затруднении. О каком именно? Самый большой зверь у нас, конечно, лось. Весом он килограммов в триста, бывает и больше — целая гора. Но чем, скажите, он

лучше грациозной косули? А медведь? Недаром его зовут хозяином тайги. А волк? Очень умный, осторожный и неукротимый лесной житель. Зайца привыкли считать трусливым, будто все только и обижают его. Но у него такие удивительные ноги — попробуй поймать, чтобы обидеть. Вымотает и оставит с носом любого зверя. А белки-попрыгуны, а ночная хищница куница, обитательница сумеречных ельников, а горностай, а... Всех не перечислишь, и все очень интересный народ.

Решили так: нарежем бумажек, всех запишем и будем тянуть, как билет на экзамене. Вытянули «бобра». Бобер так бобер, может, даже и лучше, потому что он у нас новосел — завезли со стороны. Правда, он тут когда-то водился, но очень давно. Истребили ради меха. Закона о защите зверей раньше не было, и бобра били во всякое время, особенно весной, когда, очнувшись от зимней спячки, ведет он себя неосторожно. Часто бобрята оставались без родителей и гибли. К тому же люди разрушали бобровые хижины и так постепенно извели весь род.

Но вот несколько лет назад общество охотников закупило и запустило в разрез Ая несколько бобров. Волновались: выживут ли? Хватит ли корма? Не станут ли добычей браконьеров?

На следующую весну идем с председателем общества, Олегом Федоровичем, по берегу. Волнуемся — как перезимовали наши бобры. Ага, ивовая поросль как ножом срезана — свежие погрызы. Значит, живы!

Появились новые семьи выше и ниже по Аю, в другие речки перекочевали. Прожив до следующей весны, бобрята уходят из родительского дома по тому же самому закону, по которому и люди покидают отчий кров в поисках своего счастья, выбирают удобное для них место и обретают новый дом.

Индийский писатель Серая Сова говорил, что лес без бобров в представлении племени оджибеев — пустой лес. И еще говорил этот мудрый человек: тому, кто возомнил себя властелином мира, следовало бы, входя в лес, снимать не только шляпу, но и обувь. И тогда бы хижины бобров на берегах наших речек никогда не оставались пустыми.

ОДИН ДЕНЬ НА УРЕНЬГИНКЕ

Наши мальчишки любят рыбачить. В пруду, конечно, ловится плохо. Но выше заводов, в чистой воде, рыба клюет. Главная добыча — пескарь. Бывает, чебак, окунь или голавль попадут — тоже ничего удивительного. Но если кто-нибудь крикнет: «Хариус!» — тут все в кучу: большой ли? На что попался и крепко ли взял? Где, в каком именно месте? Хариус высоко ценится, наловить на уху — большая удача.

Хариус — дальний родственник красули, речной форели. Рыба осторожная и, как говорят рыболовы, капризная. Сегодня клюет на навозного червя, а завтра при такой же погоде и в то же время подай ей таракана или заморыша. Воду любит проточную, чистую.

Есть среди рыболовов такие, кто никакой другой добычи не признает. Одно-го известного нам харюзятника зовут Федором Петровичем. Лет пятьдесят ходит он в горы, знает все речки и каждый в них омут. Иногда отмахает километров двадцать-тридцать и повернет обратно: вода в речке поднялась, видно, ливень ночью прошел, клева не будет.

Но если, по его мнению, все в порядке, тут уж ему не мешай, ни о чем не спрашивай. Один день нам с ним пришлось порыбачить на речке Уреньгинке,

через которую в ином месте можно перешагнуть.

Поднял он болотные сапоги, холщовую сумку через плечо повесил, маленький мешочек, тоже холщовый, к поясу прицепил. И побрел по речке. По берегу и не думай — сплошные заросли, верхушки деревьев местами сомкнулись.

Удилище у Федора Петровича коленчатое, с катушкой, чтобы леску можно было пустить по течению. Поплавок из камышинки сделан, вроде как соринка, каких по речке плывет немало. А грузила совсем нет.

Идет Федор Петрович, глядит, где камень из воды выступает, где коряга торчит — за ними обычно пузырьки образуются, и хариус стоит там, ловит их ртом; где дерево упало, где ветка низко склонилась, где вода крутит всякий сор и павших мошек. Туда и подпускать крючок с наживкой.

Хариус берет с ходу и верно. И тут — подсечка.

Для большинства на этом рыбалка и заканчивается. Деришень чуть порезче, чем требуется — запутается леска в ветках, свисающих со всех сторон. И рыба сорвется, и распутывать бесполезно. Тут-то и сказывается школа рыболова. Да что там школа — академия за плечами Федора Петровича. Он чуть заметным движением подсечет, подтянет леску катушкой, аккуратно и точно примет рыбу в ладонь. Крупная, бывает, начнет колесом ходить — брызги в сторону. Отпустит ее старик и снова потянет. Хариус устает быстро.

Вечером Федор Петрович почистил рыбу. Жир на лопушок отделил, тушки — в котел. Приготовил картошку, лук, лавровый лист. Отваренную рыбу добыл из котелка и, пока кипела в отваре картошка, отделил мясо от костей и положил отдельно. Готовую картошку помял ложкой, опустил в котелок рыбу, жир с лопушка и приправу. Стелился дым над Уреньгинкой. Выходила луна. Федор Петрович, уступив нашей просьбе, рассказывал про свою жизнь:

— Трудная была жизнь. Отец погиб рано, а потом не стало и матери. Когда началась война, остался один. Жил у одинокого старика дяди Васи. На заводе старался. Бывало, утром дядя Вася говорит: «Что-то, Федя, про тебя по радио опять ничего не сказали». — «Погоди», — отвечаю. По две нормы стал давать, по три, но больше не мог. А потом придумал такую штуку: собрал детали в блок и стал сразу все обтачивать. Десять норм в смену дал. По радио, конечно, сказали. Дядя Вася больше меня рад тому был...

Такой ухи, как на берегу Уреньгинки, ни до ни после мы не едали.

ПТИЦА ИЗ ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

В краеведческом музее вы непременно обратите внимание на бивни мамонта, коренные зубы и кости носорога, найденные на берегах рек. Эти животные жили много тысяч лет назад в окрестностях Златоуста. Но и сегодня есть свидетели тех времен. По крайней мере, одна птица дошла из каменного века до наших дней. Эта птица — глухарь — самая большая в наших краях. Она недоверчива и осторожна, старается держаться дальше от дорог, в хвойных лесах.

Когда-то глухарь был обычной добычей на весенних токах и доставлял немало приятных минут охотнику. Теперь весенняя охота закрыта: надо подольше сохранить эту птицу, ведь глухих мест становится меньше, а дорог больше.

По заведенной когда-то привычке продолжаешь ходить на весенний ток, только с фотоаппаратом и биноклем — ружье остается дома, в чехле. Обычно это бывает во второй половине апреля.

Сами сборы — волнующее событие. Достоешь охотничий костюм, осматриваешь, примеряешь сапоги. Проверяешь топорик, охотничий нож, котелки — один для варева, другой для чая. Спички, соль, сахар в специальных пакетиках, чтобы не промочить, если вдруг в половодье оступишься.

Хороша весенняя дорога. Похрустывает под ногой тонкий ледок. Птицы поют. Заметней всех, пожалуй, зяблик. Одним духом выдает трель с росчерком в конце и после короткой паузы начинает сначала. Нет-нет да и поймает ухо песенку чижа. Переливчато свистит зарянка. «Тень-тень-тень...» — раздается мелодичный голосок пеночки. Круто вверх с вершины слетает конек и, преломив полет, опускается, спев за это время песенку. Красноголовая чечевица тоже любит на маковке сидеть и спрашивать при этом: «Ви-тю ви-дел?» И тут же слышится в ответ: «Ви-дел, ви-дел!»

Пригревает солнце. Над просекой висит, едва видимый в синеве, жаворонок и «юлит». Вплетаются голоса овсянки, зеленушки. Скрипит дрозд-рябинник. Каждый поет на свой лад. Но самый лучший, конечно, певец в лесных увалах — певчий дрозд. Если человек не очень сведущ, то и с соловьем спутать может. Соловей больше по кустам, возле рек, где трудно его увидеть, прячется. Певчий же дрозд, как эстрадный артист, любит себя показать — сидит на самой вершинке ели и мастерит колено за коленом. Снуют короли и крапивники. Вдруг: ку-ку, ку-ку... Батюшки, да ведь кукушка прилетела. Ну, значит, весна в самом разгаре.

Оттаяли и летают бабочки. На дне — лужи, крупный, с чайное блюдце, когтистый след с ямочкой от пятки. А рядом будто кошачий следок с крохотными царапинками когтей — медведица с медвежонком прошли.

Вся зимняя жизнь наверху. Обнажились лунки рябчиков, обычно две рядом — парами живут с осени. Косачи в стаях зимуют, и ночевки у них, что

табор цыганский. Глухарю и одному не скучно. Бухнется в снег, проберется немного, хлопает место, уснет, голову под крыло — и нет нужды, свисти метель, вой голодным волком.

За изгибом дороги в тени снег, на нем темные бугорки — лиса по умету в самое глухозимье шла. В глубокий снег березовых и еловых семян нанесло, обрывков бересты, тонких, как папиросная бумага, хвоинок. Рыхлый снег растаял, а примятый след превратился в бугорки, покрытые сором.

Редкие островки снега пестрят в лесу. Зайцу туго: не успел отлечь. Снегу почти нет, а он — белый. Сидит крепко, пока почти не наступишь.

К вечеру, одолев километров тридцать, мы почти у цели. Старая охотничья избушка. От сена на нарах пахнет плесенью. Никто тут с осени не был. Сбрасываем рюкзаки, достаем сухую растопку из-под нар и разводим костер.

Едва скрывается солнце за лесом, начинает цыкать вальдшнеп. Летит над вершинами берез кургузая птица, клюв как маятник. Начинается тяга — ток лесных куликов — одна из самых редкостных по красоте охот, теперь тоже закрытая.

К ночи растопляем печку. Потрескивают дрова, горит свечной огарок на подоконнике. Тело блаженствует в приятной истоме...

Чуть расступается тьма. Первым подает голос голубь-клинтух: ху-бу, ху-бу... Цыкнул еще невидимый вальдшнеп. Зарянка словно очнулась от короткой забывчивости. Пора.

Зябко. Чавкает вода. Останавливаемся, слушаем — не подшуметь бы. Еще подходим, еще... Есть! Щелкает, будто кто-то шариками от пинг-понга стучит друг о дружку. Ждем вторую часть песни, когда можно подходить. И вот оно — точение, шипение, скирканье — не знаешь, как и назвать, ибо звук ни

на что не похож, словно прорвался через толщу веков. Под «глухую» часть песни пробуем подходить, обшариваем взглядом силуэты деревьев. А он на земле: хвост веером, крылья опущены, шея вытянута, борода топорщится. Медленно кружит на месте. Вдруг побежит, остановится и вернется обратно. Бормочет, словно шаман, заклинания, и, кажется, есть в них непостижимый смысл. Неподалеку серенькая глухарка, или копалуха, как ее у нас называют. Но он так занят песней и танцем, что не обращает на нее никакого внимания. Мелькание в кустах — подбегает другой глухарь. Будет драка! Но пришелец исчез, они как-то мирно выяснили отношения.

Ноги затекли. Тело колотит. Чтобы сделать снимок, надо крепко прижать аппарат ко лбу, что не сразу удастся.

Однако совсем рассвело. Глухарь распелся. Пытаемся незаметно отступить. Хрустит под ногой ветка. Птица тяжело срывается и уходит. Больше нет нужды осторожничать.

Прощайте, глухари!

Вот мы и сами не заметили, как нарушили слово. Обещали рассказать про одну птицу, а что вышло...

КОЛЕЯ

Ехал вездеход, оставил глубокую колею. Попали в нее лягушка пучеглазая, птенец желторотый да зайчонок с варежку. Бегали, прыгали, а выбраться не смогли. Возвращался вездеход да и задавил всех.

Шли Старый да Малый с грибами, сели на край колеи отдохнуть, увидели, что сотворилось, затужили. Малый стал жалеть лягушку, птенца да зайчонка, а Старый в воспоминания ударился.

— Как сейчас помню, на лошадаках лес возили. Срежут дерево, разделают, увезут. Примятая травка поднимется, и не вдруг заметишь, что дерево стояло. Потом машины пошли, тоже ничего, не во всякое место попадали — было где отстояться зверю и птице. А как остался лес в болотах, логах да на самых загравках, люди вездеходы выдумали. А ему, вездеходу-то, что болота, что камень — ничто не держит, гребет все подряд, последние хвойные островки достает. Сохнут ключи, мелеют речки, рыба переводится, птице и зверю деваться некуда.

А ведь когда-то люди в лесах жили, имели зоркий глаз, чуткое ухо, тонкий нюх. Знали язык зверей и птиц, отличали их голоса, не путали запахи трав. Потом ушли из лесу, построили города и стали чужими для зверя и птицы. И стал зверь уходить, птица улетать от дорог человеческих подальше. А теперь вездеходы — куда от них уйдешь? Глаз не тот стал у человека: видит лес, а дерево от дерева отличить не может; ухо отяжелело: слышит птичий перезвон, а где и чей голос — не поймет. И нос огрубел: чует запах цветочный, а какой цветок, сказать не может. Исчезни дерево, пропади зверь или птица, выведись совсем какая травка-муравка — и не заметит. Среди камней и железа негде будет развернуться груди и сожмется душа в кулачок.

— Это ты про что? — спросил Малый.

— А про то, милый, вырастешь скоро, так думай, чтобы колесо, тобой созданное, колеи не оставляло.

ДОРОГОЕ ИМЯ

Поэтесса Светлана Соложенкина, которую очень любят читать земляки, вошла в одно стихотворение: «Хотите знать из первых уст, что значит слово Златоуст?» Она и многие товарищи ее по перу пытались ответить на этот вопрос, перебирая звучные образы: «золотое устье», «золотые уста», отыскивая в них начало начал. Краеведы отвечают точнее и проще: название идет от старинной городской церкви Иоанна Златоуста. Скорее всего, правы краеведы, но и в фантазиях поэтов есть своя правда: имя города звучит красиво... будто идешь по сквозному перелеску золотой осенью, журчит чистый родник и под ногами похрустывает иней.

Третью сотню лет город живет с этим названием. Правда, однажды его чуть не переименовали. Людям хотелось как можно скорее стать счастливыми. И они подумали: если вместо старых зданий построить новые, вместо грустных песен сложить бодрые и вместо «божественного» имени дать какое-нибудь «революционное», то счастье наступит скорее. Сломали церковь, чтобы не напоминала об Иоанне Златоусте, и стали думать, как назвать город. Одни предлагали Сталинск, другие Сталегорск, Железногорск или Металлоград, потому что тут булат варят, металл, как воду, ковшами разливают, катают его, режут, мнут, гнут, куют, обтачивают, сверлят, рисуют на нем. Все, кто к металлу руки прикладывает, в особом почете, сталеваров и токарей в городе больше, чем пекарей в ином государстве. Другие настаивали — город надо назвать именем до-

стойного человека: Аносовск, например, Ипатовск или Назаровск. Третьи... А третьи встали горой за прежнее название. Почему? Потому что все равно лучше не найти, потому что думали так же, как Светлана Соложенкина:

Владейте золотом и медью,
Но этих звуков «Златоуст»

Я не отдам вам и с последним
Дыханьем, улетевшим с уст!

Так и оставили Златоуст Златоустом. И не жалеют теперь. Потому что лучше всего слова из песни не выкидывать, а то она нескладной будет.

НАШ ГЕРБ

Древнюю Русь еще Гардарикой называли, то есть землей городов. Каждый старинный город имел свой герб. Русские города часто защищались от врагов, поэтому всякий герб силуэтом напоминает щит. Прочее шло от истории города, его судьбы, характера. В Смоленске, например, рисовали пушку и птицу гамаюн: птица не давала дремать пушкарям, стерегущим подходы в город. На московском гербе — всадник, поражающий копьём дракона: сколько раз выпадало Москве защищать русские земли от злых сил. Жители Глазова изображали на гербе человеческий глаз — без труда можно заметить связь с названием и предположить, откуда это пошло.

Теперь, когда наши истории подходят к концу, вам, наверное, уже ясно, почему герб Златоуста напоминает одновременно щит и разливочный ковш и почему на этом фоне изображен стремительно летящий конь. Автор его — скульптор Владимир Павлович Жариков — хотел подчеркнуть, что в городе булата и гравюры на стали труд одухотворен искусством.

Знатоки геральдики причисляют герб Златоуста к самым своеобразным и выразительным. Об одном лишь пожалеть можно — никак в нем не отразилась красота природы златоустовского Урала.

ВСЕГО НЕСКОЛЬКО ИСТОРИЙ

Если сравнить Златоуст с древними городами, скажем, Смоленском, Псковом или Суздалем, то ему не так много, еще и 250 лет не исполнилось. А между тем его часто называют старым и даже старинным, потому что выпала ему жизнь бурная, вместившая много больших и малых событий и человеческих судеб. Об иных уже успели забыть. Но есть в городе люди, которые считают: нельзя забывать ничего, ничто не должно исчезнуть бесследно. Эти чудачки роются в архивах, сидят в библиотеках, ворошат старые книги и документы и стараются воскресить в общей памяти потерянные случаи, даты, названия, имена. Делают они это из великой любви к Златоусту, который считают лучшим городом на земле. Не все, конечно, в этом с ними соглашаются, но уважают за это все. Об одном из них — Александре Михайловиче Сосновском — мы рассказали, о других, как Николай Александрович Косиков, Азриэль Львович Либерман или Владимир Николаевич Трусов, не обмолвились, ибо обо всех них и их находках не расскажешь даже в большой книге. В нашу вместилось немного. И совсем немного из того, что златоустовцами никогда не забывалось, о чем в газетах писалось, передавалось из уст в уста, чему сами были свидетелями и что сейчас может увидеть каждый.

Наша книжка — всего лишь несколько историй из истории, но мы так считаем: тому, кто узнал кое-что, легче постичь остальное.

СОДЕРЖАНИЕ

Легенда о Таганае	1	Директор	20
Большой пожар	2	Камарадо Серхио	21
И мечи харалужные	2	Шварцмессер — черные ножи	22
Рисунок на стали	4	По-дружески да попросту	22
Чтоб от меча не погибнуть	4	«Оазис»	24
Врач-путешественник	6	Футбольный кружок, «Уральская молния» и Каисса	25
О чем помнить	6	Мальчишки могут все	26
Дедушка Ленина	7	Металлурги	26
Странствователь	8	Косотурский дедушка	28
Стальные пушки	9	Гитара по кругу	29
Узел Старикова	10	Яблочко на тарелочке	30
Старый мастер	10	На Дальнем Таганае	30
Петля Гарина	11	На горах	31
Пистолет в дымоходе	12	Златоискр	32
Восточный вальс	13	Башкирская капуста	32
Молодая гвардия Златоуста	14	Бобры	33
Иван Меньшой	15	Один день на Уреньгинке	34
Из семьи героев	16	Птица из древнейших времен	36
С ружьем и молотом	16	Колея	38
На столе у Ленина	18	Дорогое имя	39
Гут — значит «хорошо»	18	Наш герб	40
Декларация филателистов	18	Всего несколько историй	40
Первая ударная	19		

25 к.

Для среднего школьного возраста

Николай Васильевич Верааков,
Владимир Алексеевич Черноземцев

У ТАГАНДИ-ГОРЫ

Редактор А. К. Белозерский
Художник А. М. Силоров
Художественный редактор В. Г. Витанф
Технический редактор Т. В. Анохина
Корректор С. М. Кадошникова

ИБ № 1844

Издание для детей и юношества

Сдано в набор 22.02.90. Подписано в печать 27.07.90. ФБ 13324. Формат 60×90/8. Бумага тип. № 2.
Геттингера Школьная. Печать высокая с ф. г. ф. Усл. печ. л. 5,0. Усл. кр.-отт. 11,25. Усл. мад. л. 4,26.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 824. Цена 25 к.

Изд-во: Уральское книжное издательство, 454113, г. Челябинск, пл. Революции, 2. Полиграфическое
объединение «Книга», Челяб. обл. управления издательства, полиграфии и книжной торговли, 454000,
г. Челябинск, ул. Постышева, 2.

ЧЕЛЯБИНСК
УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1990